

ХРОНИКА ОДНОГО САБОТАЖА

Отказ человека от выполнения своих профессиональных обязанностей обычно расценивается как чрезвычайное происшествие. Если же артист не выходит на сцену и срывает спектакль — такой невероятный в театральной практике случай вызывает особую тревогу.

По-видимому, часть коллектива Брянского тюза думает иначе. Пятого мая четверо артистов отказались играть спектакль, мотивируя свой поступок идейными разногласиями с режиссером и требуя его немедленного увольнения. При ближайшем рассмотрении истинные мотивы оказались совсем иными: не идеи, не творчество, а ожесточенное сведение счетов с людьми, стремящимися создавать искусство, стало целью и смыслом существования наиболее «инициативного» ядра Тюза, состоящего из группы артистов и технических работников во главе с директором Н. Гирей.

Пришедший в театр с ноября 1986 года главный режиссер Б. Цейтлин успел поставить три спектакля и подготовить к выпуску четвертый.

Но судьбу Б. Цейтлина решило не качество его спектаклей, о которых с интересом заговорил город, и не то, что многие актеры почувствовали себя профессионалами, стали подавать заявки на роль. Долгое время художественные устремления противоречили природе этого театра, где привыкли жить по другим законам: каждая постановка должна была эксплуатироваться до полного износа. Зачастую на гастролях играли по шесть спектаклей в день. Получив солидные премии за перевыполнение плана и грамоты «за отличное обслуживание сельского зрителя», приступали к репетициям следующей пьесы. А Б. Цейтлин жестко потребовал от каждого качественной работы и выполнения своих обязанностей. К февралю 1987 года терпение части коллектива иссякло. С этого момента режиссер был поставлен «вне игры».

Зато у его противников возникло ощущение всевластия. Директор отказался выполнить приказ начальника управления культуры и показать шесть спектаклей конфликтной комиссии, состоящей из представителей горкомов КПСС и ВЛКСМ, обкома профсоюза, Министерства культуры РСФСР и Союза театральных деятелей РСФСР.

«Никаких спектаклей, пока комиссия не поговорит с народом (!), не доложит народу, какую цель она преследует, зачем приехала мешать нормальной работе театра!». Этот ультиматум был выдвинут в первый же день пребывания комиссии в Брянске. Вздурораженной труппе объяснили, что только после просмотра спектаклей возможен конкретный разговор о творческом состоянии театра. Однако утренний спектакль был заменен директором на репетицию, а на вечернем группа артистов вовсе отказалась выйти на сцену, хотя их партнеры в костюмах и гриме сидели за кулисами. На сцене стояли декорации спектакля «Завтра была война», а в фойе «война» была в самом разгаре. Вахтеры, монтировщики, гримеры, уборщицы и незанятые артисты митинговали за закрытыми дверями. Дебаты продолжались до двух часов ночи.

«У нас теперь демократия и гласность, и мы не будем играть, пока в театре не вывесят приказ

об увольнении Цейтлина!». Ультиматум второго дня был предъявлен секретарю обкома КПСС М. Погодину, срочно прибывшему в театр для нормализации обстановки.

Утром ситуация была «нормализована» — главному режиссеру предложили подать заявление об уходе.

После дополнительных дебатов труппа, наконец, согласилась играть только те спектакли, что поставлены главным режиссером. О своем возмущении сложившейся ситуацией открыто заявила другая группа актеров. Неожиданное выступление девяти ведущих артистов и главного художника окончательно развеяло миф о «едином коллективе», восставшем против «режиссерского деспотизма». Стало ясно, что театр раскололся на две части: на тех, кто стремится к полноценному творческому процессу, и тех, кто озабочен только увеличением приработка.

А таких, увы, большинство. Правда, количественный перевес опять же достигается за счет технического персонала, бесцеремонно вторгающегося в решение художественных проблем. Парикмахеры, администраторы, шоферы участвуют в формировании репертуара, пересмотре тарификационных ставок, выражают творческое недоверие режиссеру, ибо на так называемые расширенные заседания художественного совета допускается любая и жадный. И постепенно дело отошло на второй план, и даже на профсоюзных собраниях главными стали склоки, распределение премий и квартир, преследования за критику, давление на несогласных и нестойких. Как умелый дирижер руководит этим «оркестром» председатель профкома Г. Коваленко, «по совместительству» — артист театра.

Логично было бы предположить, что ненормальная обстановка бесконечных скандальных заседаний встревожит прежде всего партийную организацию, состоящую из двенадцати человек. Однако подавляющее большинство коммунистов театра — те же технические сотрудники, находящиеся в явно зависимом положении, как правило, это заслуженные люди, вышедшие на пенсию и вновь принятые на работу директором. Испытывая естественную благодарность к Н. Гире, они готовы поддержать все его начинания. В парторганизации театра состоят всего два актера. Что касается парторга, режиссера В. Давыдова, то он занимает очень странную, половинчатую и зыбкую позицию. Сегодня он помогает директору, завтра — главному режиссеру, а чаще всего наблюдает за событиями со стороны.

Но вернемся к спектаклям, которые все же удалось посмотреть. Все три постановки — «Завтра была война» Б. Васильева, «Волшебные приключения маленькой Бабы Яги» О. Пройслера и «Голый король» Е. Шварца — доказали, что претензии, предъявляемые труппой к главному режиссеру, лежат вне сферы художественной. Спектакли эти говорили о безусловном профессионализме постановщика. При этом Б. Цейтлина удалось так изобретательно «прикрыть» явную беспомощность большинства исполнителей, что, не будь мы очевидцами закулисных баталий, мы бы искренне полагали, что театр вполне благополучен. Артисты же, по-видимому, не знакомые с законами ансамбля, наперебой возмущались, что режиссер не видит в них творческих личностей и втискивает индивидуальность в жесткие рамки своей концепции. Так, актриса А. Со-

колова, не согласная с трактовкой режиссера, решила в знак протеста играть по-своему. Такая «самодеятельность» внесла в спектакль «Завтра была война» явно фальшивую ноту.

Степень актерских претензий прямо пропорциональна чрезвычайно низкому профессиональному уровню труппы, где только четверо имеют высшее театральное образование. При этом ставки некоторых артистов не соответствуют ни уровню их мастерства, ни занятости в репертуаре. Думается, именно страх обнаружить свою несостоятельность на сцене явился основной причиной срыва программы показа. Иначе чем объяснить активное желание театра скрыть спектакли других режиссеров, где занята наиболее слабая часть труппы? Ситуация приобрела даже комические очертания, когда в экстренном порядке были погружены все декорации и досрочно отправлены на гастроли по области. Вслед за контейнерами тайно отбыл Н. Гиря, оставив коллектив выслушивать оценку деятельности театра.

Предложения комиссии основывались на экстремальности ситуации, окончательно вышедшей из-под контроля. Очевидна была необходимость приостановить работу театра, вызвать аттестационную комиссию Министерства культуры РСФСР и всерьез поставить вопрос о квалификации труппы. И, наконец, наказать виновных в разложении коллектива.

К сожалению, секретарь обкома КПСС М. Погодин предпочел иные способы воздействия. Придя в театр, он упрекнул собравшихся «в не вполне тактичном поведении», предложил забыть происшедшее и начать работать спокойно, с полной отдачей.

Чрезвычайное происшествие в Брянском тюзе, конечно, можно расценивать как единичный факт, хотя характерные приметы этой истории далеко выходят за рамки частного события. Социальная мимикрия, один из самых страшных признаков омертвелого общественного сознания, сегодня рядится в одежды борцов за правду. Высокие гражданские и нравственные понятия в руках умелых демагогов оборачиваются своей противоположностью, становясь орудием мести и запугивания.

В Брянске под маской демократизации стал возможен прямой саботаж. Представление о чести и достоинстве актерской профессии оказалось извращено. И все это к тому же произошло в театре юного зрителя, призванном идейно и эстетически воспитывать молодое поколение.

В программке спектакля по повести Б. Васильева запечатлены мнения участвующих в нем актеров. «Очень не хотелось бы, чтобы когда-нибудь пришлось краснеть перед тем человеком, которого я играю. По этой роли я могу теперь сверять свои будущие роли, свою жизнь... «Надо думать и совершать поступки согласно своей совести»... Имеют ли право на такие слова люди, постоянно дискредитирующие их в реальности? И остаются они при этом безнаказанными, горжествуют победу и даже получают награды. Заключительным аккордом брянской театральной драмы стала церемония вручения медалей «Ветеран труда» А. Соколовой и Г. Коваленко — двум главным инициаторам той актерской «забастовки», о которой здесь рассказано.

И. АМИТОН,
Е. ПОКОРСКАЯ.